

Подытоживая сказанное, заметим, что рецензируемый сборник при всем своем незначительном объеме вводит в научный оборот немалый новый этнографический материал по вайнахской семье и прямо или косвенно поднимает ряд новых вопросов кавказоведения. По сравнению с этим не такими существенными кажутся отдельные недочеты, о которых говорилось выше. Вместе с тем хотелось бы пожелать, чтобы актуальная, практически значимая тема семейно-бытовой обрядности отражалась бы этнографами Чечено-Ингушетии в публикациях, посвященных не только дореволюционному прошлому, но и советскому времени. Этнографическая работа в этой области тем важнее, что новая семейная обрядность у народов Чечено-Ингушетии в силу ряда исторических причин развивается медленнее, чем у других народов региона.

Я. С. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Н. А. Ерофеев. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825—1853 гг. М.: Наука, 1982, 319 с.

Материалы «круглого стола», недавно проведенного журналом «Советская этнография» по проблемам этнической психологии (см. 1983 г., № 2—4), показали, с одной стороны, большую научную и практическо-политическую значимость этих проблем и актуальность их разработки, с другой — большую сложность таких исследований. Последнее особенно относится к исследованиям в области исторической этнопсихологии. В этой связи рецензируемая книга заслуживает самого пристального внимания как оригинальная, по существу, единственная за много лет работа такого рода, написанная советским ученым и посвященная главным образом изучению этнических представлений русских об англичанах во второй четверти XIX в.

В главе первой «Этнические представления» рассмотрено понятие «этническое представление» как «словесный портрет или образ чужого народа» (с. 7), связь его с понятием «психический стереотип» — «застывшее изображение, механически воспринятое и некритически усвоенное» (с. 7), показана видная роль этнических представлений в общественной жизни и прежде всего в отношениях между народами и оценена возможность использования таких представлений для изучения особенностей психического склада того или иного народа или национального характера (автор не делает особых различий между этими двумя понятиями).

В главе второй — «Источники» — дан очень важный для данного исследования обзор материалов, на основании которых в рассматриваемый период у русских складывалось представление об Англии и англичанах. Первое место среди них автор отводит «печатному слову», т. е. газетам, журналам и книгам, отмечая немногочисленность этих источников и крайне малые тиражи (общее число подписчиков на газеты в то время составляло 12—15 тыс. чел.), а также строгости цензуры. Автор отмечает, что информация из-за границы в русской прессе была очень скудной и ограничивалась в основном перепечаткой из иностранных газет и журналов. В связи с этим важным источником формирования представлений об англичанах были рассказы русских людей, побывавших в Англии. Правда, таких поездок в отличие от поездок во Францию и даже в Германию и Италию было сравнительно немного, почти все путешественники побывали только в Лондоне и лишь немногие опубликовали свои наблюдения — за рассматриваемый период вышло лишь около десятка книг и брошюр (с. 44). Основным недостатком этих источников автор усматривает в стремлении делать на основании немногих фактов «широкие и успешные обобщения» и, как отмечал Белинский, «видеть в той или другой стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее еще у себя дома решались в ней видеть вследствие односторонних убеждений, закоренелых предвзвешиваний или каких-нибудь внешних целей и скрытых расчетов» (с. 49).

В главе третьей — «Вещественная цивилизация» — даны представления русских о хозяйстве Англии, ее политической системе, социальных проблемах, духовной жизни. Автор отмечает, что в глазах многих русских в то время именно Англия с ее сильно развитым промышленным капитализмом «как бы воплощала Запад, западную цивилизацию» (с. 77), поэтому ее положительные и отрицательные черты часто использовались в спорах «западников» и «славянофилов» о возможном историческом пути развития России.

В российской печати отмечалось высокое промышленное развитие Англии, но значение его обычно приписывалось роли торговли, в которой видели главный источник английского богатства, финансовой мощи Англии.

Пытаясь объяснить экономические успехи англичан, некоторые авторы того времени обращались к особенностям английского национального характера, отмечая у англичан, например, «дух трудолюбия, предприимчивости, порядка и бережливости» (с. 100). Вместе с тем сообщалось о существовании в Англии острых социальных проблем, связанных прежде всего с имущественным неравенством, наличием многочисленных групп населения в состоянии нищеты, тяжелыми условиями труда женщин и детей и т. п. Оценка социально-политического устройства англичан была различной: одни авторы изображали Англию как «гнездо смут и беспорядков», другие — как «дочь любимую свободы». Это, по мнению Н. А. Ерофеева, отражало, с одной сто-

роны, реальные противоречия в английской жизни, с другой — различные политические позиции наблюдателей. Так, консервативные круги русского общества осуждали демократические свободы, завоеванные английским народом в длительной борьбе, называя их «гибельными уступками черни», способствующими общественным смутам (с. 133). Вся Англия рисовалась ими как страна, находящаяся в состоянии дряхлости и упадка, особенно проявляющегося в духовной сфере, где якобы господствуют коммерческие, материальные интересы (с. 162).

Наибольший интерес в этнопсихологическом отношении представляет четвертая глава «Джон Буль», названная по имени собирательного образа англичанина. «Первое, что бросалось в глаза русским наблюдателям и что, как им казалось, определяло характер ее жителей,— отмечает Н. А. Ерофеев,— четкая организация жизни и быта» (с. 166). Причем ярче всего это проявлялось в устройстве дома, в его внутренней чистоте и опрятности. Среди моральных норм подчеркивалось высоко развитое у англичан чувство патриотизма и национальной гордости; в связи с этим автор приводит слова Белинского о том, что англичане «так глубоко чувствуют и сознают свое национальное величие, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обнаружение недостатков и темных сторон английского общества» (с. 170). Некоторые черты англичан, в частности их якобы «угрюмый, тяжелый нрав», обычно объяснялись географической средой; с такими чертами английского характера нередко связывался грубый, порой жестокий характер их некоторых развлечений, таких, как распространенные в то время петушиные бои, травля медведей, кулачные бои (бокс) и др. Особо отмечалась энергичность и предприимчивость англичан, хотя в этом многие видели лишь механическую погоню за прибылью.

Многие кажущиеся русским странными особенностями английской жизни, прежде всего их приверженность старым традициям, объяснялись просто их «чужацеством». В целом положительно оценивалась нравственность англичан: их честность (т. е. верность данному слову), религиозность и добропорядочное отношение к семейной жизни; автор подчеркивает, что «в высокой оценке английской семейной жизни сходились представители самых различных лагерей — от реакционной „Северной пчелы“ до Чаадаева» (с. 220). В оценке других качеств англичан проскальзывали и противоречия: говорилось о сильном распространении в Англии воровства, о растущем атеизме и т. п. По мнению автора, значительную роль в возникновении представлений о высокой нравственности англичан сыграла проникшая в Россию английская моралистическая литература XVIII в., а также бытовавшее противопоставление «степенного» англичанина «легкомысленному» французу.

Из соединения отдельных этнических представлений, из сложного, по выражению автора, сплава «реальности и фантазии» складывается довольно цельный «образ типичного англичанина, утвердившийся как определенный психический стереотип в глазах русского общества. Итак, типичный англичанин — „Джон Буль“ — это гордый, самоуверенный и важный человек, холодный и спокойный, пожалуй, даже „чопорный“. Энергичный и в высшей степени практичный, он преуспевает в делах — в промышленности и торговле; благодаря его предприимчивости, энергии и деловитости, трудолюбию и основательности в этой стране быстро развивается промышленность и торговля, кипит деловая жизнь. В то же время поглощенный практическими делами, погоней за деньгами и богатством, англичанин не придает значения искусству, а науку он превратил в отрасль мануфактуры. Строгая честность в делах и глубокая религиозность не мешают тому, что он корыстолюбив, эгоистичен, жаден к деньгам. Отчетливая „самобытность“ его характера доходит до странностей и чужацества» (с. 232).

Комментируя этот образ, автор замечает, что «когда конструируется образ чужого народа, то нередко акцентируются именно непохожие, контрастирующие черты. При этом истинный образ упрощается, обедняется, превращается в схему. Примером может служить представление об английской цивилизации как „вещественной“ как воплощении „материализма“ в противовес русской — как цивилизации прежде всего духовной, отодвигающей материальные заботы на второй план. Эта схема заставляла русских наблюдателей не замечать многих достижений английской духовной жизни и культуры» (с. 236). И далее: «В этнических представлениях содержится значительный элемент априорности. Создав на основе каких-то частных наблюдений образ другого народа, мы затем уже „подгоняем“ под него все остальные впечатления и наблюдения» (с. 237). Завершая эту главу, автор пишет, что «портрет англичанина, сложившийся в России во второй четверти XIX в., жил на протяжении последующих десятилетий» (с. 246).

Отмечу сразу же, что в самом начале пятой главы «Коварный Альбион» автор, по существу, противоречит сделанному выводу, утверждая: «В начале 50-х годов образ Англии и англичан, сложившийся в России в первой половине XIX в., претерпел значительные изменения» (с. 247). Причиной этих изменений, по мнению автора, было обострение отношений между Россией и Англией из-за противоречий их политических интересов на Востоке — в Османской империи и в Средней Азии, а также из-за конкуренции в экономическо-торговой сфере. Результатом же их было изменение взглядов на некоторые черты англичан, в частности на их «практицизм», который все чаще связывается «с такими пороками как своекорыстие, холодный бесчувственный эгоизм» (с. 289). Автор отмечает, что «окончательное оформление в России образа „коварного Альбиона“ относится лишь к самому кануну войны» 1853—1856 гг. (с. 301). Вместе с тем проступала тенденция относить плохие стороны Англии к деятельности ее правительства, что «в известной мере сохраняло традиционный образ этой страны и ее народа в глазах многих русских» (с. 303).

Нельзя сказать, чтобы работа Н. А. Ерофеева была новаторской по своему замыслу. В этнопсихологии уже давно бытует понятие психического стереотипа, а в зарубежной литературе есть и работы, авторы которых пытались выявить тот или иной стереотип, проследить корни его формирования (например, исследование американским этнографом Р. Бенедикт психического стереотипа японцев). Но в нашей научной литературе таких попыток, насколько мне известно, не предпринималось, и это обстоятельство придает рецензируемой работе не только важное методическое, но и методологическое значение. Полагаю, что за ней последуют и другие работы такой же тематики. Напрашивается, в частности, продолжение исследования, уже проделанного Н. А. Ерофеевым, ибо его теперешние хронологические рамки явно тесны для поставленной автором задачи: проследить изменение представлений русских об Англии и англичанах в зависимости от политико-экономических отношений между двумя странами с 5). Для достижения такой цели не следовало обрывать исследование на 1853 г., требовалось охватить весь период Крымской войны, а жгательно и последующие десятилетия, в которых могли проступить новые изменения.

Насколько же автору удалось выполнить свою основную задачу, отраженную в самом названии книги,—показать представления русских об англичанах за период от восстания декабристов до начала Крымской войны? Он оговаривает, что в данном случае речь идет не о представлениях всего русского народа, а лишь «привилегированных классов русского общества: аристократии, дворянства, буржуазии, высшего чиновничества, а также среде разночинной интеллигенции» (с. 5). Думается, однако, что и это ограничение слишком расширительно: из книги мы не узнаем, что именно думали об англичанах, например, в дворянском собрании и в канцелярии губернатора Москвы, не говоря уже о каких-то дальних губерниях: для этого требовалась бы крайне трудоемкая работа в архивах с дневниками и письмами тех лет и т. п. Основным источником автора является «печатное слово», поэтому и всю работу правильнее было бы назвать «Образ Англии и англичан в российской печати 1825—1853 гг.». Отмечу попутно, что речь идет конечно, и не обо всех англичанах, а, как отметил сам автор, главным образом о лондонцах (и даже о части лондонцев). Но в данном случае вносить ограничительные поправки в название книги, вероятно, не следует: ведь в этнопсихических стереотипах всегда отражается не весь народ, а лишь какая-то его часть с ее наиболее характерными чертами.

Имеется, однако, и еще один вопрос, на который ответить труднее: а являлись ли отраженные в русской печати представления об англичанах этнически только русскими? Этот вопрос частично относится даже к тем 11 книгам и брошюрам, которые были написаны людьми, побывавшими в Англии, и о которых Н. А. Ерофеев пишет, что «нехватку собственных наблюдений они обычно восполняли заимствованиями из различных иностранных справочников и из произведений предшественников» (с. 50). Особенно же он относится к российской прессе, которая пользовалась главным образом перепечатками из иностранных газет и журналов: преимущественно французских и отчасти немецких. При этом единственной частной газетой, которой разрешалось помещать на своих страницах такие материалы, была официально-реакционная «Северная пчела», редактируемая Булгариным и Гречем. Автор отмечает все эти обстоятельства, но его ответ на поставленный вопрос, к сожалению, столь же решителен, сколь и не бесспорен. Он пишет: «...в те годы правительство располагало ограниченными возможностями влиять на эти (этнические — В. К.) представления, поскольку отсутствовала массовая печать и организованная официальная пропаганда. Этнические представления формировались тогда в значительной степени стихийно, как бы естественно, без воздействия извне, что позволяет изучать их почти в чистом виде» (с. 6). И далее, сам поставив вопрос — «может быть, отраженные в российской печати взгляды на англичан вовсе не русские, а „французские или немецкие“?», он утверждает: «...с помощью ножниц редакторы строго отбирали чужую информацию. Кроме того, такая информация при переводе, как правило, получала определенную окраску (?), дополнялась определенным комментарием. Поэтому можно считать, что заимствованные из иностранной прессы сообщения об Англии отражали в конечном счете именно русские (!?) представления» (с. 31).

Приведенные рассуждения крайне неубедительны. Ведь если между русскими и англичанами не были развиты прямые контакты и основным фактором формирования этнических представлений было «печатное слово», прежде всего пресса, то при слабом развитии этого источника информации его было легче контролировать, устраняя цензурным пером и ту малую «стихийность», которая оставалась, например, после ножниц Булгарина. Показательно, что в рецензируемой книге почти ничего нет о «взглядах русских» на принятую англичанами парламентскую систему, столь противоположную российскому самодержавию. О каком же «естественном» формировании этнических представлений здесь может идти речь? В конце концов, рассматривая конкретные представления, и сам Н. А. Ерофеев вынужден признать, что «образ англичанина в России складывался под влиянием предшествующих рассказов, главным образом французских. Об этом можно судить хотя бы по тому, что многие свойства англичан, которые фигурировали в русских сочинениях (да и в немецких), значительно раньше были отмечены во французских работах об Англии» (с. 237); так, «по-видимому, мнение о гордости англичан и их высокомерном отношении к иностранцам было довольно широко распространено во Франции и отражало исторически сложившуюся неприязнь к англичанам» (с. 239).

Среди других погрешностей работы отмечу некорректную попытку проверить правильность обобщенного образа «Джона Буля» наблюдениями русских путешест-

венников, к которым Н. А. Ерофеев уже обращался при воссоздании этого образа (с. 242—244).

Завершая же данную рецензию, не могу не сказать еще раз об оригинальности исследования, выполненного Н. А. Ерофеевым, и его значимости для этнической психологии. Похвально, что автор в большинстве случаев критически относится к излагаемому материалу и лишь в некоторых важных выводах, к сожалению, пренебрегает этим. Воссозданные им представления об англичанах являются, конечно, не просто «этническими», но сословно-этническими, и не чисто «русскими», а скорее, русско-французскими, причем определить долю каждого компонента без соответствующего исследования по французам (а также немцам и другим соседям англичан) не представляется пока возможным. Интересно было бы сопоставить эти представления с высказываниями англичан о самих себе и о других народах, прежде всего русских и французах. Это позволило бы перейти от определения отдельных этнопсихических стереотипов к трудной задаче выявления английского национального характера.

Б. И. Козлов

* * *

Новая книга Н. А. Ерофеева находится как бы на стыке трех наук — истории, этнографии и психологии. Она рассказывает нам о том, какие представления об Англии и англичанах существовали в русском обществе во второй четверти XIX в. При этом исследуется формирование этнического стереотипа, что является одним из перспективных направлений в этнографии и социальной психологии¹.

Этническое сознание и его частный случай, этническое самосознание, т. е. представление людей о собственном этносе и его свойствах², пожалуй, наиболее важный, ключевой объект этнографии. Ведь при изучении элементов духовной и материальной культуры этнографы фактически изучают отражение в них этнического сознания в широком смысле слова, включая и этническое самосознание. В книге Н. А. Ерофеева показана тесная связь этнического стереотипа с представлениями о своем этносе, которые определенным образом трансформировались в сложившемся образе Англии и англичан. «Во всех случаях русские проблемы оказывались как бы своеобразным светофильтром, который направлял внимание и определял отбор фактов» (с. 307).

В то же время рассматриваемое исследование является историческим по привлеченным конкретным материалам и принципу их подачи. Используемые автором источники призваны показать пути формирования этнических представлений, соотношение в них фантазии и реальности, их изменение под влиянием нарастания противоречий в англо-русских отношениях (с. 23). Работа Н. А. Ерофеева примыкает к зарубежным имагологическим исследованиям (от латинского «имаго» — образ), в центре внимания которых — природа, происхождение и социальная функция этнических представлений (с. 10). Рассматриваемая книга — первое исследование такого рода в СССР. Можно надеяться, что за ним последуют подобные работы историков, социологов, этнографов. Помимо чисто научного значения такие исследования, выполненные на высоком уровне, безусловно, должны способствовать укреплению связей между различными странами, росту интереса к культуре других народов. Для этого прежде всего необходимы объективные и точные представления о народе и его культуре. Н. А. Ерофеев счастливо избегает в своей работе опасности этноцентризма. Он объективно, критически излагает взгляды наших соотечественников на Англию и англичан второй четверти XIX в. При этом он показывает, что их представления об Англии во многом обуславливались системой ценностей, существовавшей в русском обществе, отнюдь не абсолютизируя эту систему.

В книге рассматриваются почти исключительно взгляды, присущие образованным слоям общества: дворянству, буржуазии, интеллигенции, в том числе революционным демократам. Это определяется характером имеющихся источников. В некоторых случаях приводятся и мнения, характерные для более широких слоев населения (с. 302).

Взгляд русского общества на другие народы во многом определялся тогда идеями немецкого философа И. Г. Гердера, развитыми впоследствии Ф. В. Й. Шеллингом и Г. В. Ф. Гегелем, о том, что каждый народ обладает своим, только ему присущим «национальным духом» и призван выполнить определенную историческую миссию (с. 85).

Подобный взгляд на значение этнических элементов в истории человечества (история мыслилась как история различных народов), в развитии которых главную роль играет «национальный дух», ниспосланный свыше, способствовал укреплению в обществе взглядов, что каждый народ призван сыграть свою собственную роль в истории. Как показано в книге Н. А. Ерофеева, практически общепризнанным было, что Англия уже миновала свой расцвет, чем и объяснялся созданный общественным мнением образ «дряхлого Альбиона». В целом же образ Англии служил зеркалом для отражения проблем русской жизни. Одни и те же факты английской жизни интерпретировались диаметрально противоположно представителями различных общественных течений, «и то, за что одни хвалили Англию, вызывало неодобрение у других». «Преобладало убеждение, что то, что хорошо для Англии, никак не подходит для России, в которой совсем иные условия, иные традиции и которая должна идти своим, особым путем» (с. 164).

Господствовал характерный для Европы XIX в. взгляд, что у каждой нации, играющей всемирно-историческую роль, есть «гений», который проявляется, в частности,

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 15, 368.

² Там же, с. 15.

в ее языке. «Гений» Англии и англичан видели в промышленной и торговой деятельности. При этом иногда обнаруживалось верное понимание социальных последствий индустриализации. В. Ф. Одоевский, например, отмечал, что «несчастья, порождаемые в Англии изобретением машин, — не суть следствие самих машин, но того, что работник, привыкнув целый век точить какое-нибудь колесо, вдруг при изобретении машины остается без дела, ибо не знает ничего другого»³. В то же время отражение таких черт национального характера англичан, как практичность и расчетливость, которые, по общему убеждению, сопутствовали торгово-промышленному первенству Англии, видели в самом английском языке (с. 190—191), что сейчас выглядит абсурдом.

Н. А. Ерофеев показывает, что несмотря на причудливое сочетание вымысла с реальностью, в русском обществе сложился образ «типичного» англичанина «Джона Буля», далекий от реальности, но поражающий своей правдоподобностью и внутренней цельностью, непротиворечивостью (с. 232). Этот образ, сложившись во второй четверти XIX в., существовал, по мнению автора, на протяжении последующих десятилетий. Новые впечатления не разрушали старый образ, а вписывались в него, дополняя его новыми деталями (с. 246). Образ Англии и англичан, в искаженном виде отражающий реальные факты, возник под влиянием ряда факторов. Играло здесь роль и влияние представлений, сложившихся в популярной в России французской литературе (с. 237—238). Главным же в создании образа явилась «система светофильтров», сложившаяся под влиянием предубеждений, непонимания, эмоций, самооценки (с. 308). С ухудшением англо-русских отношений в 40-е годы XIX в. в этническом стереотипе усиливались отрицательные черты. Видный поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в разгар Крымской войны писал, например, о «скарредном эгоизме Англии», указывая на неминуемую катастрофу, которая постигнет «целый мир, каковым является Англия» с ее лицемерием и «челепым хвастовством»⁴.

Рецензируемая книга вполне доказывает, что предметом этнопсихологических исследований могут стать большие общности, а не преимущественно малые, как считают некоторые исследователи⁵. Здесь перед нами исследование представлений, возникших в обыденном сознании и не отличающихся научной строгостью. Необходимость изучения тех из них, которые не являются предрассудками, а также путей формирования недостоверных представлений и вымысла неоспорима, несмотря на трудность нахождения адекватных методов исследования и верификации фактов⁶. Книга Н. А. Ерофеева представляет удачный пример такого рода исследования на конкретном историческом материале.

В рассматриваемой работе показано нарастание русофобии в Англии в 30—40-е годы прошлого столетия в связи с обострением англо-русских противоречий (с. 271—279), но в целом представления о России и русских, существовавшие в Англии в тот период, здесь не рассматриваются. Между тем такое исследование представляет несомненный интерес. Несколько выходя за рамки рецензии, мы попытаемся кратко очертить контуры таких представлений, отнюдь не претендуя на полноту и законченность и не считая отсутствие такого очерка у Н. А. Ерофеева недостатком книги. Воспользуемся трудом М. П. Алексеева о русско-английских литературных связях. Здесь показано восприятие России и русских в Англии в конце XVI — начале XVII вв. В Англии уже в это время в результате многочисленных путешествий и деятельности английских купцов в России накопился тот запас сведений о стране и ее народе, который стал доступен русской публике в отношении Англии только во второй четверти XIX в. В английском обществе сложилось в конце XVI в. представление о России как обширной стране с богатыми запасами сырья, население которой покорно своей рабской участи и славит тиранию царя. Этот образ был навеян более тяжелыми формами феодальной зависимости в России в сравнении с Англией. Внутренние потрясения середины XVII в. ослабили в Англии интерес к России, образ которой стал более расплывчатым и экзотическим. Интерес возрастает вновь с конца XVII в. в связи с реформами Петра I. При этом выявились резкие различия между тори и вигами в оценке России и петровских реформ. Если виги склонны были положительно оценивать Россию и Петра, полагая, что Россия при нем избавилась от своего невежества и приблизилась к западной цивилизации, то тори резко нападали на Петра, утверждая, что при нем в России мало что изменилось. Эта разница во мнениях отражала острую борьбу по внешнеполитическим вопросам в Англии, в частности в связи с войной за Испанское наследство и политикой по отношению к России в этой ситуации. В дальнейшем портрет России и русских оброс многими деталями, а острота партийной полемики притупилась. Антираусские настроения были характерны для периода Семилетней войны, а усиление симпатий отмечалось в период войны 1812 г. Широко распространились представления о русских в целом как о людях, менее образованных, чем англичане, но щедрых, великодушных и гостеприимных. Это отмечало большинство англичан, писавших о России в первой половине XIX в.⁷ Отметим, что все эти положительные качества входили в ценностную

³ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975, с. 197.

⁴ Тютчев Ф. И. Стихотворения. письма. М.: ГИХЛ, 1957, с. 398, 400.

⁵ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. М.: Наука, 1979, с. 107.

⁶ Кон И. С. К проблеме национального характера.— В кн.: История и психология. М.: Наука, 1971, с. 125.

⁷ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX в.). Литературное наследство. 91. М.: Наука, 1982, с. 20—26, 44, 80—89, 124, 136, 171, 247, 497, 574—575, 580, 632.

установку самого русского общества, где они считались исконно русскими. Образ России и русских в Англии претерпел как будто более сложную эволюцию, чем представления об Англии в России, которые сравнительно поздно сформировались — во второй четверти XIX в. — и мало изменялись вплоть до 80-х годов того же столетия. Это, возможно, объясняется, большим объемом сведений о России в Англии и более развитым английским общественным мнением.

Книга Н. А. Ерофеева, не претендуя на всестороннее исследование этнических представлений, имеет целью поставить ряд вопросов и наметить пути исследования этой сложной проблемы. Автор сознает, что его работа не свободна от слабостей, но эти слабости и отсутствие готовых решений обуславливаются уровнем развития методики исследований и степенью современной разработанности проблемы (с. 310). Достижением является уже то, что впервые в советской литературе показана плодотворность конкретно-исторического подхода к изучению этнических представлений, позволившего установить ряд особенностей этнического стереотипа и проследить пути его формирования. Как отмечает автор книги, будущие исследования нужно вести в широких хронологических рамках. При этом плодотворным представляется сравнение этнических стереотипов, созданных различными народами.

В заключение отметим, что приведенная в конце библиография, содержащая более 300 названий, включает и архивные фонды и может оказать помощь исследователю, который решил бы заняться проблемами этнических стереотипов. Очень жаль, что отсутствие именного и предметного указателей сильно затрудняет пользование книгой.

Б. В. Соколов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Е. С. Юрлова. Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М.: Наука, 1982, 184 с.

Рецензируемая книга продолжает ведущееся в советской историографии многоплановое изучение социальных и политических процессов в развивающихся странах. В данном случае — это комплексное исследование женского вопроса в Индии. В книге основные изменения в положении женщины в семье и обществе в независимой Индии рассматриваются в связи с конкретными социально-экономическими и политическими процессами в стране в годы независимости, мероприятиями органов государственной власти, которые проводились при поддержке демократической общественности.

Автор на большом материале показывает постепенное вовлечение женщин в экономическую и общественно-политическую жизнь и стремится выявить причины, как стимулирующие, так и тормозящие эти процессы, исключительно сложные, а подчас и противоречивые (в частности, социальное освобождение женщин), поскольку они связаны с ликвидацией наследия феодального и колониального прошлого.

Совершенно справедливо замечание Е. С. Юрловой, что в такой огромной стране, как Индия, с ее многообразием этнических, религиозных, классовых и кастовых факторов, которые по-разному взаимодействуют в различных районах и по-разному проявляют себя в городе и в деревне, анализ изменений в социальном положении женщин чрезвычайно затруднен. Тем не менее автору удалось показать положительное воздействие на весь ход социального раскрепощения женщин в Индии таких процессов, как общая демократизация социальной жизни после 1947 г. (в том числе введение всеобщего избирательного права), повышение уровня образования и рост общей информированности общества в целом и женщин в том числе, вовлечение в трудовую деятельность женщин из высоких и средних каст (особенно в качестве учителей и врачей), принятие ряда новых законов в защиту прав и интересов женщин. В книге показана огромная роль работы политических партий и женских организаций, направленная на расширение кругозора женщин и вовлечение их в общественно-политическую жизнь, в деятельность правительственных учреждений и в работу по осуществлению специальных программ развития для женщин и детей (такие программы разрабатываются на разных уровнях).

В результате широкой демократизации общественной жизни страны возросла роль женщин во время избирательных кампаний, в которых все более заметно проявляются радикальные изменения политических позиций и взглядов избирателей. Сегодня в борьбе за голоса женщин ни одна партия не может более игнорировать требования их равноправия и защиты их интересов. В рецензируемой книге — впервые в нашей индологической литературе — исследуются участие женщин в выборах (гл. IV) и проблемы, связанные с систематической работой, проводимой политическими партиями в их среде (гл. V).

Раскрывая значение деятельности женских организаций в реализации государственных программ развития для женщин и детей, автор подчеркнул также важную роль этих организаций в мобилизации женщин-избирателей в период выборов.

Среди факторов, стимулирующих борьбу против средневековых представлений о назначении и роли женщины в семье и обществе, особо выделена «нормотворческая» деятельность государства, которую широко поддерживают демократические силы, включая и все прогрессивные женские организации. Более того, значительная часть